

АЛЬ ДЖУ

НЕКРАСОВА /
ЖУКОВСКОГО

18+

Аль Джу Некрасова/Жуковского

<https://litres.ru/74593744>

SelfPub; 2026

Аннотация

Петербург, улицы Некрасова и Жуковского, ночные бары и случайные знакомства. Здесь тридцатилетний герой переживает разрыв отношений, натываясь на персонажей, которые превращаются в странные названия из телефонной книжки. Каждый эпизод — шаг по кругу, из которого не вырваться. Жёсткая, ироничная и пронзительная проза о зависимости, одиночестве и попытке разобраться в природе человеческих отношений.

Содержание

***	4
1 сентября. «Дашик»	6
2 сентября. «Аня Могила»	11
5 сентября. «Бабуля Киркоров»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Аль Джу

Некрасова/Жуковского

Все описанное ниже вымышлено, любые совпадения случайны.

Текст не является пропагандой алкоголя — это зло, которое нанесет вред вашему физическому и ментальному здоровью, а затем отправит вас в ад.

*Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу
<i>Данте, «Божественная комедия»</i>*

Недавно искал по работе номер телефона бывшего коллеги и неожиданно наткнулся на записанный сто лет назад контакт: «Та самая лысая из того самого убогого бара». Тут же вспомнил девицу, кстати, и вправду подстриженную под ежик, которая после недолгого диалога в одном из пьяных заведений на Некрасова или Жуковского выхватила у меня трубку и так экстравагантно записала себя.

Начал пролистывать телефонную книжку в поисках че-

го-то подобного — среди чинных имен-фамилий с должностями и компаниями то и дело попадались такие контакты, как «Привет», «Леха Трактора», «Бабуля Киркоров», «Кто-это», «Аня Могила» и тому подобный сюрреализм.

На миг я забыл об окружающем — передо мной выстроилась галерея уже полузабытых лиц, вихрем появлявшихся вокруг, когда я в очередной раз начинал пить и оказывался на двух небезызвестных улицах Питера, гудевших до шести утра.

Мне в то время было около тридцати или чуть за тридцать. Долгие, почти семилетние отношения с девушкой по имени Оля закончились, а новые каждый раз длились не больше нескольких недель.

Тогда-то я и познакомился с Дашей.

1 сентября. «Дашик»

Placebo — Meds

Я пришел в себя в просторной ванной. Вокруг темно, только полоска LED-ленты, протянувшаяся змеей по периметру потолка, тускло светила зеленоватым. Вода в ванне была слегка теплой. Я встал, схватил первое попавшееся полотенце и вытерся. Все мои вещи были свалены горкой в дальнем углу. Последнее, что помнил, — это как мне вчера наливали стопку водки.

«Где я?» Осмотрелся и по роскошному убранству и двери справа, ведущей в сауну, все понял. Я снова остался у Даши. Быстро оделся и вышел — надо было найти ее и узнать, что вообще произошло прошлой ночью и почему я оказался в ванной. Периодически опираясь на стену — после вчерашнего алко координация, безусловно, плыла — я шел по коридору, заглядывая во все комнаты. Их здесь пять? Шесть? Семь? Квартира была совершенно необъятная. За видневшимися в дальних частях комнат окнами — темень. Уже слишком поздно? Еще слишком рано? Всегда сложно определить время, когда просыпаешься после алкогольного бес-

памятства. Словно очутился в лимбе, где времени просто не существует. Ладно, это сейчас не так важно. Везде пусто. На подходе к комнате в самом конце коридора я услышал музыку.

Приоткрыл дверь и ужаснулся. Из колонки в форме пивной банки звучала песня Placebo, Даша стояла посреди комнаты и, зажмурившись, ритмично качала головой, рассыпая вокруг свои растрепанные кудри. Обнаженная по пояс, она била себя в живот чем-то, зажатым в кулаке. На месте каждого удара появлялись тонкие ярко-красные струйки крови, контрастно выделявшиеся на фоне ее бледной кожи.

— Ты чего? — я закричал, подбежал к ней и схватил за руку. В нос ударил запах парфюма, смешавшийся с потом и алкоголем. Оказалось, в кулаке находились маленькие маникюрные ножницы, холодные и липкие.

Я посмотрел на ее живот — он весь был изранен такими вот небольшими, совсем неглубокими порезами. Пока пытался забрать ножницы, сам получил несколько ударов в руку. Наконец Даша была обезврежена. Она упала в кресло и начала плакать. Казалось, Даша еще не понимала, что в комнате не одна. Я боковым зрением увидел стеклянный столик, на котором стояла почти пустая бутылка крепкого алкоголя, бумажный пакет сока, тарелка с надкушенным яблоком — мякоть уже покрывалась светло-коричневым налетом.

Она успокоилась и подняла голову. Все те же, с легкой безуминкой, серые глаза. Стоило ей только заметить меня,

как она зашипела.

— Что ты здесь делаешь? Почему ты вообще тут? — Даша вскочила и начала бить меня куда только могла попасть. Она была на полголовы ниже меня, но разницу в габаритах с лихвой компенсировала яростная энергия.

— Да стой ты, подожди! — Я уклонялся и старался сдерживать ее напор. — Чего, блин, произошло вообще?

— Сволочь, козел, ненавижу тебя. Чтоб ты сдох, конченный. — Даша буквально выпинывала меня из квартиры.

— Да что произошло? Объясни мне, я ничего не понимаю. — Я пятился к выходу.

Так она дотолкала меня до двери, незаметно открыла ее и нанесла фатальный удар ногой в область колена. Я, и так пока не отошедший от похмелья, тут же выкатился в подъезд. С криками «Проклинаю тебя!» Даша выкинула мои ботинки — один больно влетел прямо в лоб, — пальто, шарф и телефон с часами. После этого дверь со звоном захлопнулась.

«Теперь хотя бы тихо». Я огляделся. Ситуация сложилась так себе. Хорошо хоть в подъезде никого не было. «Вот теперь можно разобраться со временем. И числом. И месяцем. Господи, я даже не могу вспомнить, какой сейчас год». Часы и телефон обнаружились рядом с шарфом. Удивительно, но оба устройства были целы. Я посмотрел на экран телефона — «1 сентября. 4:00».

— Неплохо отметил День знаний. День знаний о себе, жизни и женщинах, — с хрипотцой сказал я вслух, ходя меж-

ду парой этажей, по которым разлетелись мои вещи.

Обмундирование собралось относительно быстро. Не хватало только носков. Обычно я клал их внутрь ботинок, когда приезжал к Даше.

Я нацепил ботинки на босу ногу и медленно пошаркал вниз, параллельно вызывая такси. На первом этаже не смог сдержать возгласа радости — два моих черных носка лежали около лифта. «Как же вы сюда умудрились долететь?» — с чувством спросил я, обращаясь к ним, будто это улетевшие от меня любимые попугаи, а не стандартные текстильные изделия. Нацепив их, я вышел из подъезда, оглянулся на ее красивый элитный дом и прыгнул в такси, которое уже ожидало меня. «Даша сейчас невменяемая, надо будет разобраться позже, что вообще случилось ночью. Видимо, что-то наговорил. Как всегда и бывает», — мысленно корил я себя. Таксист, холеный лысый мужчина под пятьдесят, обернулся на меня и спросил:

— Радио «Эрмитаж» включу, вы не против?

— Что вы, я только за.

Заиграл легкий джаз и вместе с мелькающими за окном видами ночного города погрузил меня в думы. Я открыл мессенджер, чтобы посмотреть, кто в сети в столь поздний, ну или ранний, час. А главное — в сети ли Даша. Нет, под контактом «Дашик» отображалось лишь «был(а) в сети 7 часов назад». Однако в сети был мой давний товарищ Зимин. «Видимо, жрет в центре». Я написал ему о том, что хотел бы

завтра встретиться. Он согласился.

2 сентября. «Аня Могила»

Король и Шут — Кукла колдуна

Мы с Зиминым сидели в парке Екатерингоф, допивая четвертые по счету ракеты — полулитровые бутылки колы с алкоголем. Эти четвертые замешали уже в хардовом режиме — кола с коньяком в них были в пропорции один к одному. День был солнечный, воздух прозрачный и свежий, мы пили с самого утра. Вчерашний кошмар с Дашей начал отступать, хотя периодически неосознанно мысли возвращались к нему и тут же накатывала тревога. Я пару раз пытался с ней связаться, но ответа не получал — после вчерашнего она точно проспит сегодня до позднего вечера.

К восьми часам по опьянению я уже достиг шести из десяти, а Зимин и вовсе приближался к девятке. Я поднялся с лавочки, на которой мы с ним обустроились, и закурил. Рассказывать о произошедшем вчера скандале я не стал — пока не хотелось поднимать эту тему.

— Ну что, Дима, что дальше?

Он оторвал взгляд от экрана телефона — глаза его уже были мутные.

— Марусечка, моя Марусечка. — Он начал хватать своими ручищами воздух. — Я должен сейчас обнимать ее, а не жрать тут с тобой на скамейке.

— Увы, но Марусечку увезли. На дорогой машине. Не живи прошлым, давай лучше выпьем.

Примерно полчаса назад Дима увидел новую историю в аккаунте своей бывшей — она, молодая голубоглазая брюнетка с миловидным, даже немного детским лицом, сидела с огромным букетом роз в салоне автомобиля с дорогой обивкой и загадочно улыбалась.

— Моя Марусечка, — чуть не взревел он. — Посмотри, посмотри на нее.

Дима достал телефон и снова открыл ту самую фотографию, после чего принялся трясти телефоном перед своим лицом.

— Так. Вижу Марусечку. Что дальше?

— Посмотри, какой у нее счастливый взгляд, — кричал Зимин.

— Конечно, счастливый — она же шваркнула тебя, — засмеялся я.

— Ну почему, когда мне нравится баба, все кончается так?

Я оглядел его бородатое лицо, принявшее несколько жалобный вид, и подумал о том, что остаток дня сложится самым непредсказуемым образом. С Марусечкой он повстречался всего-ничего — недели две, не больше, но отчего-то

она вызывала у него бурю эмоций. Поначалу, по рассказам Зимины, они неплохо проводили время, а потом она просто пропала, перестав как бы то ни было отвечать на его заходы.

— Мы ходили в театр, я возил ее в загородные дома. — Зимин не унимался. — А она... вышвырнула меня, как собаку.

— Но ты же и есть собака. — Я сделал глоток из ракеты.

Дима уставился своими карими глазами на меня. Он, видимо, что-то хотел сказать, но в этот момент его телефон зазвонил. «Вовремя, — подумал я. — Но что там?»

— Да, привет, брат! — Зимин кричал во весь голос. Проходящие мимо парочки и семьи с детскими колясками брезгливо оглядывались на нас. — Конечно, приедем. Я буду с другом. Кинь точку, брат!

Он отпил из ракеты и положил трубку. Потом молча выпил еще.

— Ну что там, какие новости? — раздраженно спросил я: пауза затянулась.

— Наверное, тебе не понравится. Но мы едем на Жуковского.

— Черт, Дима. Только не туда. Я не должен больше появляться на двух этих улицах. Ни на Жуковского, ни на Некрасова. И не появлялся на них уже месяца три. Ты знаешь лучше меня, чем это заканчивается.

— Мою Марусечку сейчас везут непонятно куда, чтобы потом сделать с ней непонятно что. — Он на глазах начинал

звереть. — А ты тут хочешь включить свою пластинку? Все равно, как мы можем догадаться, ты сейчас не в очередной завязке, вот и поддержи друга.

— Все, стой-остановись, я понял. Едем-едем, ладно.

В этот вечер Диме, очевидно, надо было напиться — женщину, к которой ощущаешь столь сильную тягу, всегда тяжело отпускать. Особенно в чужие, мохнатые и когтистые, лапы. Как оказалось, один из его друзей — то ли пиарщик, то ли маркетолог — сейчас сидел в баре на Жуковского и позвал нас присоединиться.

Мы быстро допили ракеты, а оставшийся коньяк, примерно полбутылки, я перелил в литровую колу, которую сунул во внутренний карман своей джинсовки.

Зимин вызвал такси, и мы направились к выходу из парка, перекидываясь бессмысленными пьяными репликами. Двадцать минут в машине — за это время успели выпить половину литровой ракеты. И вот уже выгрузились у нужного бара. Оба совсем пьяные. Мы прошли внутрь — место было какое-то новое, народу — ноль. Найти друга Димы труда не составило. Он сидел с каким-то представительного вида мужчиной за угловым столиком, на котором была выставлена целая батарея из стопок, штук пятнадцать, может, двадцать.

— Брат, мы доехали, брат, — закричал Зимин, увидев друга.

Тот поднялся с места и пошел обнимать Диму, а после об-

менялся рукопожатием со мной. Разговор за столом шел тяжелый — во всяком случае, для меня. Я пытался вникнуть в суть, но это мне никак не удавалось. Только я цеплялся за одну из смысловых нитей, как беседа тут же меняла вектор. Кроме того, ситуация с Дашей не выходила у меня из головы — за сегодня она так и не вышла на связь. Пытаясь сфокусироваться, я огляделся и понял, что есть только одно верное решение — выйти покурить.

На улице я отпил пару глотков из ракеты и закурил. Эти глотки окончательно выбили меня в параллельную реальность, порожденную опьянением. Теперь и Даша, и Зимин, и Марусечка — кто бы то ни было — совершенно перестали меня волновать. Я думал только о том, что видел перед собой, а именно улицу, испещренную барами. В одном из них громко заиграла песня «Короля и Шута». Ноги меня сами понесли в его сторону.

Я встал у входа и начал нелепо пританцовывать и подпевать песне. На втором куплете рядом со мной материализовались три девчонки. Одна из них — с длинными черными волосами, сережкой в ноздре и чуть косящими зелеными глазами — подошла и тоже начала подпевать. Я тут же достал из джинсовки литровую бутылку с ракетой и предложил ей. Она даже спрашивать не стала, что там, а просто выхватила бутылку и выпила остатки в пару жадных глотков.

— Ну ничего себе! Bravo! — Пьяного меня такое поведение, конечно же, покорило. — Ты кто?

— Я Аня. — Голос у нее был не самый приятный, резкий и истерический, что ли.

— Любишь «Короля и Шута»?

— Конечно, люблю. А как иначе? — Аня говорила отрывисто, будто выплевывая из себя слова.

Мы начали громко смеяться. Я пытался разглядеть ее по-лучше, но никак не выходило. Тут в голову пришла мысль.

— Блин, а ты была на могиле Горшка?

— Не-а, — шмыгнула она. — А он что, умер?

Я завис.

— Панки хой, Горшок живой! — закричала Аня на всю улицу.

— А, ты к этому. Да, факт, — улыбнулся я. — Так чего, едем? По пути еще коньяка возьмем.

— Когда?

— Так как сама думаешь? Сейчас, конечно!

Она оглянулась на подруг, обнялась с ними и повернулась ко мне.

— А куда ехать-то?

— На Богословское. — Я достал телефон и начал вызывать такси. Как же это сложно дается, когда ты уже на восьми с половиной из десяти. — О, машина уже заворачивает, повезло!

Мы сели в такси, и я прежде всего попросил водителя остановиться у первого алкомаркета, который тот увидит. Первый алкомаркет попался минут через десять. Водила вы-

скочил покурить, пока я ходил в магазин. Были взяты полтора-рашка колы и пол-литра коньяка. Прямо перед магазином я замешал эту «царь-ракету». Мы с Аней начали распивать ее прямо в машине. Оказалось, что она пару месяцев назад приехала из провинции, желая найти свое место на гранитных набережных Питера. Получалось пока с переменным успехом — работала она в основном официанткой, но в каждом из мест не задерживалась надолго. Поселилась в коммуналке в центре, сказала, что повезло — из соседей только тихая старушка-алкоголичка. «И сколько таких, как она в этом городе?» — думал я, отпивая из полторашки.

За по-пьяному бестолковыми беседами о жизни пролетели сорок минут пути. Несколько раз звонил Зимин узнать, куда я пропал. Объяснил, как смог. Мы с Аней выгрузились у центрального входа на Богословское.

— Идем за мной, я приведу тебя куда надо. — Размашистым шагом двинулся я по центральной аллее.

Я шел и напевал себе под нос песни «Короля и Шута», думая о чем-то своем. То, что рядом со мной никто не идет, понял не сразу. Обернулся — Аня стояла метрах в двухстах позади, оперевшись на дерево. Развернувшись, я подошел к ней.

— Что с тобой, как ты?

— Меня повело. Сейчас подышу и отойду. — Она потеряла нос.

— Ты совсем пьяная, что ли?

— Да нет. Нормально, в принципе. — Снова потеряла нос.

Аня сделала несколько глубоких вдохов. Вокруг уже начинало темнеть. Я взял ее под руку, и мы неспешно пошли к конечной цели.

У могилы Горшка, на скамеечке слева, сидели несколько маргиналов с обшарпанными лицами, передавая по кругу смятую пластиковую бутылку с белесой жидкостью. Чуть поодаль стояла приличного вида парочка, а около них — мужчина с, очевидно, сыном лет десяти. Аня остановилась прямо перед гранитным памятником музыканту и уставилась на него. Потом вдруг начала плакать, с каждой новой минутой все экспрессивнее. Происходящее нравилось мне все меньше. Из узкой аллеи между могилами, со стороны маргиналов, появился бритый налысо мужик лет пятидесяти. Кожа у него была бурого оттенка, а глаза неясные, совсем выцветшие. Мужик достал чекушку коньяка и выпил половину залпом, после чего поздоровался с сидящими на скамеечке. Они уважительно откликались на приветствие — «Дюша, ты вернулся».

Я оглянулся — парочка и отец с сыном ушли. Аня перестала плакать. Дюша, осушив бутылку до конца, повернулся в нашу сторону и начал напряженно смотреть — то ли на памятник, то ли на Аню. У меня появилось неприятное предчувствие. И тут:

— Что ты пялишься? Куда ты пялишься? — закричала Аня. Тембр ее, и в обычной речи не самый приятный, при

крике становился невыносимым. — Он умер, а ты жив, бичара. Почему так?

Дюша, не выражая никаких эмоций, медленно подошел к ней почти вплотную.

— Слышь. — Голос у него был не лучше. Скрипучий, как старая телега, хриплый, как у умирающего от болезни легких. — Ты в себе вообще? Ты чо так разговариваешь?

Маргиналы на скамеечке как будто даже приподнялись в ожидании продолжения. Я подошел к Ане, взял ее за руку и сказал, что мы уходим прямо сейчас. Напоследок она заорала Дюше нечто невнятное, мы потащились в сторону главной аллеи, на выход. Было уже совсем темно. Аня еле шла, я периодически придерживал ее за локоть.

— Что ты устроила? Зачем? — От злости я даже чуть протрезвел.

Она ничего толком мне, конечно, ответить не могла. Мы добрались до выхода, перешли дорогу, и я вызвал такси. Время ожидания ужаснуло — больше десяти минут. Аня присела у металлической конструкции непонятного назначения и не подавала признаков жизни. Я закурил, периодически поглядывая в телефон. Боковым зрением я заметил фигуру, отделившуюся от кладбищенской темноты и направившуюся к дороге. Как только фигура оказалась под фонарем, я тут же узнал Дюшу. И Аня, открывшая именно в этот момент глаза, тоже. Она сразу закричала оскорбления в его сторону. Дюша резко развернулся и рванул к нам. Аня вскочила на

ноги. Время будто стало идти скачками, при этом замедлившись — момент — и он уже совсем рядом, момент — и он прошел мимо меня, момент — и он схватил ее за волосы. Крик Дюши «Я тебя прямо здесь распотрошу!» вернул меня в реальность. Он обеими руками держал ее за голову, а она свернулась улиткой и пыталась наносить тычки ногами. Кричала Аня так же громко, как и Дюша, однако в остальном расклад сил был явно не в ее пользу.

Я смотрел на происходящий ужас, пытаюсь понять, как оказался в этой точке и стоит ли вмешиваться. «Как-то много межполового насилия за последние дни». Я выбросил сигарету, обхватил Дюшу и чуть откинул назад. Он тут же начал снова рваться к Ане, но мне удавалось преградить ему дорогу. Получив несколько ударов в спину, впрочем, не самых сильных, я сказал ей, чтобы бежала куда глаза глядят. Но она уже была в истерике, ничего не слышала, даже дышать толком не могла — только и слышались ее прерывистые вздохи. Дюша все так же копошился за моей спиной, нанося мне тычки и пытаясь протиснуться к Ане. Ситуация становилась совсем идиотской, он распалялся все больше. Вдруг подумалось — что если у него есть, например, холодное оружие?

В этот самый момент напротив нас притормозило такси. Я почувствовал облегчение. «Теперь понимаю, что чувствовали хоббиты, когда прилетели орлы», — мелькнула мысль, после чего я прокричал: «Аня, в тачку, быстро!» Она подня-

ла на меня глаза. «Направо, быстро!» Она встала и побежала к машине, я ударил Дюшу локтем под дых, и его секундной заминки мне хватило, чтобы самому запрыгнуть в такси и захлопнуть за собой дверь. Первые минут десять Аня плакала, но затем успокоилась. Ну как успокоилась — слез не было, зато по кругу закрутилась агрессивная пластинка про то, что если бы рядом был некий Макс, он бы этому мужику глотку перегрыз. Аня почему-то упорно употребляла «глотку перегрыз». Видимо, обращение к этому образу ее успокаивало. Я лениво ответил, что Макс перегрыз бы и глотку, и ногу, и руку, может, даже порвал бы злодею Дюше джинсы, только вот Макса с нами в тот момент не было. После этой реплики Аня совсем успокоилась, в салоне стало тихо, и я уснул.

— Вставай, мы приехали непонятно куда.

Проморгался: Аня дергала меня за плечо.

— О, так мы у моего дома уже? — удивленно спросил я.

— В таком случае выходим.

Мы поблагодарили водителя, вышли из машины и остановились у подъезда покурить. Тушь у нее была размазана, что делало ее зеленые глаза еще выразительней, а лицо чуть припухло и покраснело от слез.

— Угостишь сижкой?

Я достал пачку и протянул ей.

— Ничего такой вечер получился.

— Главное, что все живы, — откликнулась, устало улыбаясь.

нувшись, она.

— Тебе куда такси вызывать?

Аня замялась и сделала торопливую затяжку.

— Слушай, а можно у тебя поспать пару часиков?

— Да без проблем. Только до аптеки дойдем вначале, возьмем таблеток от головы.

Мы побрели к круглосуточной аптеке — благо она была в двух шагах. Дверь, фармацевт, карта, писк терминала — и вот пачка «Криацина» с зеленой надписью Vita Aetern. у меня в руках. У дома мы снова закурили, после чего поднялись ко мне, упали на кровать и почти сразу уснули.

Меня разбудил Анин голос — она стояла на залитом солнцем балконе, курила и говорила с кем-то по телефону. Интонации были бойкие, очевидно, вчерашний инцидент с Дюшей ее уже не волновал. «Что ты говоришь, дорогая? Он тебя накачал и потом в непонятной гостинице сутки насиловал?» — кричала она в трубку.

Голова раскалывалась, а тут снова, с самого утра, жесть. «У нее вообще бывают обычные дни?» — подумал я. Аня продолжала выяснять у подруги, что с ней происходило. Атмосфера вокруг становилась безвыходной, густой и тягучей. Наконец она закончила говорить, после чего я сразу выпалил:

— Слушай, у меня через полчаса дела, встреча. Так что надо приходить в себя.

— Поняла. А вызовешь мне такси?

— Конечно, называй адрес. — Настроение тут же поднялось.

Аня оперативно оделась и направилась к выходу. Мы обнялись и поблагодарили друг друга за вечер. Захлопнув дверь, я пошел умываться и чистить зубы, после чего заварил себе кофе. Никогда особенно не любил этот напиток, но сейчас он был в тему. После пары глотков кофе вчерашний кошмар начал отступать. Новый день — новая жизнь.

Проверил телефон — вот и новости — Даша заблокировала меня везде. «Была очень давно», «Пользователь ограничил доступ», одна серая галочка на сообщении. Я позвонил на телефон — короткие гудки.

5 сентября. «Бабуля Киркоров»

Филипп Киркоров — Уходило лето

После инцидента с Аней я взял перерыв — необходимо было отойти от алкоужаса, в который я так неожиданно погрузился. На следующий день после этих «удивительных» приключений звонил Зимин поинтересоваться, живой ли я. Услышав мою историю, он рассказал, чем тот вечер закончился для него — надо сказать, так же кошмарно. Дима, разумеется, пьяный, скачал приложение для знакомств и начал лайкать там всех подряд. На ответный лайк тут же писал: «Кидай адрес, давай я приеду». Инициативу поддержала лишь одна дама весом как три Зимина и забитая татуировками маньяков всех мастей, выдуманных и реальных — от Крюгера до Чикатило. Встреча у них долго не продлилась, а вердикт Димы был жесток: «Надеюсь, никогда больше не увижу этого бабуина». Закончился наш разговор его предложением выпить, но я отказался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.